

Но он не предполагал, что, снова встретив Мужун Чжи, воспоминания прошлого, капля за каплей, обрушатся в самое сердце. Хрупкие чувства под холодной внешностью того человека, скрытая в раздражении и отвращении забота, постепенно просачивались в его запylённое мирской суетой сердце.

То, чего он не понимал раньше, то, чем не дорожил прежде, — словно ребёнок, только что вышедший из первозданного хаоса, он наконец-то впервые в жизни прозрел и глубоко осознал.

И лишь тогда обнаружил, что здесь, на снежных горах, его снова ждёт мягкий, опьяняющий сон. Сметая накопившиеся за десять лет обиды и привязанности прошлого, Мужун Чжи своей сдержанностью и нежностью тихо опутывал его, привязывал к себе, заставляя его смятённое сердце и дух быть не в силах сбежать.

Се Люй отлично понимал, что жить ему осталось недолго, покидая столицу, он тайно дал себе клятву никогда больше не касаться дела любви. Но теперь, против своей воли, погрузился в неё, желая лишь оставаться рядом с Мужун Чжи до самой смерти и никогда не просыпаться.

Жаль только, жаль только...

Слишком поздно раскаялся.

Когда-то император приказал казнить его, он стоял на коленях у ступеней, не проронив ни слова. Когда-то на поле боя шёл в атаку, первым мчался на коне, не ведая страха.

Раньше он так не боялся смерти. А теперь каждый день боялся до смерти.

Не хотел умирать, не мог смириться. Он только-только вернулся к Мужун Чжи, а всё, что нужно было сделать, чем нужно было о нём позаботиться, что нужно было возместить, что нужно было защитить — ничего не сделал. Наоборот, доставил ему много хлопот, заставил пролить немало слёз.

Боялся, что после его ухода некому будет как следует о нём заботиться, и страшился, что в будущем на мосту Найхэ не дожждётся его.

...

Се Люй знал, что теперь ему уже бессмысленно надеяться на что-то ещё.

Лучше уж в оставшееся короткое время приложить ещё немного усилий, ещё чуть-чуть разрушить ту ледяную высокую стену, что возвёл в своём сердце Мужун Чжи, без разбора отгораживающую всех и каждого.

Хотя бы заставить его поверить, что сейчас он и вправду любит его, чтобы тот больше не недооценивал себя. Чтобы не думал, что все люди в этом мире обманщики, чтобы из-за встречи с ним, с такими, как Тан Цзи и Ци Янь, больше не желал открывать сердце другим.

По крайней мере, есть же тот ребёнок, Е Пу... он никогда тебя не обманывал, верно?

Хотя сам Се Люй очень не любил этого вечно тыкающего в него ножом за спиной ребёнка, но всё же тот ребёнок к Мужун Чжи всегда относился с искренним уважением и был очень послушен.

Хотя в душе он тысячу раз не хотел, хотя в сердце десять тысяч раз противился. Но перед

смертью он во что бы то ни стало должен был растопить Мужун Чжи ещё немного.

Тот ребёнок... красивый, понимающий, умеет готовить и делать лекарства, и никогда тебя не обманывал.

Во всём лучше меня.

Если он сможет быть с тобой, утешать тебя до конца жизни, я... я...

Хотя завидую, хотя ревную, но тоже... утешусь и успокоюсь.

Иначе, разве можно позволить тебе до конца жизни держать натянутой ту холодную маску, больше никому не показывая изначальную уязвимость?

Разве можно позволить тебе в будущем превратить меня в живого зомби, каждый день носить с собой, с холодной усмешкой помыкать мной, вымещая свою любовь и ненависть на безжизненном трупe? Чтобы все и вправду поверили, что ты отныне не ведаешь чувств, не знаешь ни боли, ни слёз?

Если будет так, Се Люй предпочёл бы сватать за другого.

После смерти дать А-Чжи как следует выплакаться, а потом позволить тем, кто умеет жалеть и любить его, исцелить его раны.

...

Полная луна в небе снова стала круглой.

Се Люю приснился кошмар.

Во сне его тело опутали тернии, стоило лишь чуть пошевелиться — боль пронизывала до дрожи в сердце и печени, он метался в темноте и наконец схватил чью-то ледяную руку.

Он подумал, что это Мужун Чжи, и почувствовал долю утешения и удовлетворения. Но, подняв голову, увидел неожиданное лицо — тот незабываемый, несравненный облик, словно прекрасная женщина-змея с картины, ужасающе улыбался ему.

Се Люй проснулся в испарине, потом снова потерял сознание от боли, во сне то видел Мужун Чжи, то того человека, а затем всё вернулось к покою.

Он вернулся в очень-очень далёкое прошлое.

В то время он был ещё ниже Мужун Чжи, всего лишь жалким ребёнком, только что сбежавшим из лап хозяина, никем не любимым, вечно битым.

Из слуги, вечно голодающего, в одночасье превратился в молодого господина в Дворце Внимающих Снегу, на которого Мужун Чжи излил всю свою любовь.

В смятении он спрашивал себя: разве та жизнь была плохой?

Когда он только прибыл во Дворец Внимающих Снегу, он ведь чувствовал себя счастливым. Раньше целыми днями недоедал, теперь наконец-то мог наесться и одеться в теплое, ещё и кто-то любил, что ни попросишь — всё дадут, какое счастье!

А позже это счастье стало привычным, потом наскучило, а в конце концов даже превратилось в бремя!

...Человеческие желания поистине безграничны.

Стоя на одной горе, заглядываешься на другую, повыше. Но в конце концов, Се Люй, ах, Се Люй, что же ты отдал в обмен на удовлетворение этих бесконечных желаний?

Се Люй. Как же ты, как же ты мог быть таким глупым...

Как же ты мог быть таким глупым!

Тело судорожно вздрагивало на кровати, слёзы безостановочно катились из уголков глаз. Се Люй барахтался в бесконечных муках от возбуждения червей-гу, беспрестанно ворочаясь.

Неизвестно, сколько проспал, не различая дня и ночи, не понимая, сон это или явь, жив он или мёртв, он, кажется, наконец услышал тот чистый и низкий голос Мужун Чжи.

Та ледяная рука провела по его лбу, неся с собой липкий запах крови, то ли явь, то ли мираж.

— Наставник, наставник — достаточно! Хватит! Скорее идите принимать лечебную ванну, с ним-то ничего серьёзного, а вот вы-то...

Взволнованный голос Е Пу звучал очень далёким, а Се Люю казалось, будто он лежит на тёмном берегу реки, сознание ясное, но глаза никак не открыть.

Прошло ещё неизвестно сколько времени, его, кажется, подняли и напоили каким-то густым, горьким отваром с лёгкой сладостью.

Се Люй уже пришёл в себя, но всё ещё будто был под сонным параличом: конечности не слушались, глаза не открывались.

Ледяная рука, та самая, принадлежащая Мужун Чжи, нежно коснулась его щеки. Платок в руке вытер с его лбу пот. Затем дыхание того человека приблизилось, уже совсем близко, казалось, на мгновение заколебалось.

Легонько, в уголке его губ, оставило лёгкий поцелуй. Сердце Се Люя, до того медленно бившееся, внезапно заколотилось бешено.

— Сяо Цзян, я вернулся поздно, заставил тебя страдать.

Се Люй подумал, что всё это наверняка сон. Потому что только во сне он мог так полностью погрузиться в неразрешимый туман, совершенно не в силах пошевелиться.

И только во сне Мужун Чжи мог украдкой поцеловать его. Своими холодными губами бережно увлажнить его иссохшие уголки рта.

Се Люй думал, что почувствует хотя бы каплю сладости.

Ведь счастье пришло так внезапно, разве нет?

До этого поцелуя он отнюдь не был уверен, как именно Мужун Чжи сейчас к нему относится.

Ведь с тех пор как он вернулся, с тех пор как неожиданно для себя начал терять контроль над

своими чувствами к Мужун Чжи, тот всё время явно и неявно выражал ему своё презрение и не раз подчёркивал, что больше тебе не верит.

Он также знал, что внешность у него не та, что раньше, тело не то, что раньше, даже характер почему-то из солнечного юноши, а затем благородного мужа превратился в эдакого сеющего смуту и ненавидящего весь мир, да ещё и постоянно не в силах удержаться от болтовни всякого вздора и чепухи.

Став таким, честно говоря, даже если бы Мужун Чжи не презирал его, он сам бы себя презирал.

Не говоря уже о том, что он лучше кого бы то ни было понимал: Мужун Чжи был мягкосердечен, и даже если бы не питал к нему никаких чувств, даже если бы от всей души презирал и ненавидел его, но ведь между ними был тот самый прошлый отрезок, и пока он мог бесстыдно прилипнуть к нему, Мужун Чжи всегда, вспоминая былую привязанность, будет в какой-то степени о нём беспокоиться.

Он полагал, что нынешнее терпение и вынужденность Мужун Чжи по отношению к нему, возможно, всего лишь вызваны той самой базовой заботой или жалостью.

Он полагал, что в сердце Мужун Чжи он, возможно, ничем не отличается от того Тан Цзи из Горной усадьбы Кленового Листа.

Но, но...

Поцелуй — это то, чего Тан Цзи не мог получить, это то, чего не мог получить никто другой. Хотя Се Люй не понимал почему, хотя он не знал, что в нём ещё осталось хорошего, за что Мужун Чжи мог так переживать, но А-Чжи действительно поцеловал его.

Но в том поцелуе он также почувствовал недолжную горько-солёную ноту.

А-Чжи, ты... плачешь?

Сердце было ранено хлынувшей, наперебой, бесконечной горечью и печалью. Тьма рассеялась, и Се Люй медленно открыл глаза.

<http://bllate.org/book/15612/1394047>